

²⁵ Козлов И. О национальном строительстве в Крыму. Симферополь, 1931. С. 10.

²⁶ Ден Н. В. Крым. М.: Л., 1930. С. 29.

²⁷ Вологдин Б. Н. Население Крыма//Весь Крым. Симферополь, 1926. С. 39.

²⁸ Численность и состав населения СССР (перепись 1979 г.) М., 1985. С. 101.

²⁹ Филиппов В. Совет да меджлис//Известия. 1991. 9 июля. № 162.

³⁰ Центр независимой экспертизы. Репатриация крымских татар. Оценка вариантов регулирования процесса.

The Dynamics of Ethnic Settlement Systems in the Crimea

The paper is devoted to the ethnic composition of the Crimea covering the period between the world wars. As a result of complex ethnic and migration processes two loosely related settlement systems — the Tatar and the Russian ones — had been formed before the 20th century. It was this phenomenon than largely determined the subsequent ethnopolitical development in the Crimea.

At that time the Crimea was characterised by dramatic ethnic blending of the population. However some variations in the extent of interethnic activities existed on the peninsula. The article aims to evaluate this diversity using the mathematical methods in order to divide the Crimea into regions according to prevalent types of interethnic conflicts.

An analysis of contemporary ethnic processes in the Crimea is also presented.

A. G. Klyachin

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© 1992 г., ЭО, № 2 Э. Геллер

МАРКСИСТСКАЯ КНИГА БЫТИЯ

Исторически зарождение марксизма примерно на полтора десятилетия опередило возникновение дарвинизма. Этот промежуток не очень-то велик в масштабах мировой истории. И тем не менее представляется, что во «всемирно-историческое расписание» в этом месте вкралась какая-то погрешность. Все было бы не в пример более гладко и последовательно, если бы дарвинизм появился на свет не позже, а раньше, чем марксизм. Ведь теория дарвинизма может быть построена в окончательном виде и без марксизма. Между тем без дарвинизма марксистская концепция не может «свести концы с концами» (это заметил и сам Маркс после выхода в свет книги Дарвина). Материализм исходит из того, что человек — часть природы, а не высшее по отношению к природе существо, как полагает теология. Но если это так, то каким же образом человек возник из природы? И почему в таком случае закономерности человеческого общества представляют нечто большее, чем особые варианты биологических закономерностей?

Отцы-основатели марксизма изначально были приверженцами не просто естественнонаучного подхода (натурализма), но и эволюционизма в широком смысле этого слова (не только в биологии). Их мышление в основе своей носило гераклитовский характер и было пронизано ощущением, что «изменения есть закон всех вещей» и, более того, что глобальный ход изменений имеет некое общее направление. В рамках этой картины мира неизбежно встает вопрос о происхождении человечества. Хотя, как убедительно показал Хайнц Лубас, Аристотель для Маркса был не просто классиком, а источником непосредственного влияния¹, основоположники марксизма навряд ли могли согласиться с аристотелевским учением о неизменности видов. Несомненно, если бы в 1840-е годы Маркс и Энгельс уже имели в своем распоряжении дарвинизм и антропологическую теорию становления человека, они обнаружили бы связь между этими научными достижениями и своей первоначальной концепцией.

Однако на деле авторы «Коммунистического манифеста» установили эту связь не сразу. Очевидно, что их мысли сначала были сосредоточены на истории, а не на биологии и антропологии. Со временем положение изменилось: «основоположники» стали черпать свое вдохновение не только у Гегеля, но и у

Моргана². Одно из важнейших положений «Манифеста» состоит в том, что вся история есть история борьбы классов. В одном из позднейших изданий книги (уже после смерти Маркса) Энгельс сделал весьма существенную оговорку к этому тезису — к словам «вся история» он добавил: *«то есть вся писаная история»*.

Имелось в виду, что существует и *неписаная* история, охватывающая период до возникновения письменности, объектом которой являются такие общества, где нет классов и классовой борьбы, а значит, и их неизбежных спутников — социального принуждения и государства. Таким образом, Энгельс признал реальность «первобытного коммунизма» как первой стадии человечества, для которой характерно отсутствие классов и антагонистических общественных противоречий. В советской марксистской литературе эта стадия еще с 1920—1930-х годов обозначается как «первобытное общество». На мой взгляд, этот термин лучше всего переводится на английский как «primordial community». Сами советские ученые предпочитают такой английский эквивалент, как «primitive society» (букв. «примитивное общество»). Я склонен предполагать, что тут просматривается некое пренебрежительное отношение к обществам, лишенным определенных атрибутов, таких, как централизация, грамотность и мощная технология, причем игнорируются позитивные особенности этих обществ. При переводе термина «первобытное общество» как «primitive society» упускается из виду, что эта социологическая категория имеет важный теоретический смысл: она характеризует такой общественный организм, который в своей жизнедеятельности обходится без принуждения, собственности и классов. Если термин «primitive communism» («первобытный коммунизм») сам по себе подразумевает некую теорию, то понятие «primordial community» («первобытное общество») весьма уместно подчеркивает, что речь идет не об умозрительной концепции, а о реальности. К тому же при таком (английском) словоупотреблении удастся избежать негативного оттенка, присущего прилагательному «primitive».

Понятие «первобытного коммунизма», точнее говоря, «первобытного коммунизма» не следует считать случайным наростом на марксизме, не имеющим смысловой нагрузки. «Первобытный коммунизм» рассматривается как исходная линия (baseline) человеческой истории, и эта категория необходима для целостности марксистской социально-исторической концепции. Когда я говорю об «исходной линии», я имею в виду не только хронологическую изначальность «первобытного коммунизма», а, что гораздо важнее, нравственный и теоретический смысл этого понятия. Оно обозначает точку отсчета не только в историческом, но и в нормативном отношении. Благодаря ему сущность истории раскрывается в самом ее начале. Оно указывает на необходимость не только объяснения ряда явлений, но и изменений, точнее, исправлений. Это понятие дает основу для присущего именно марксизму морально-философского оправдания человека, который якобы призван не выполнять навязанное извне обязательство (долг), а реализовать глубинный потенциал человеческой личности, временно искаженный неестественным общественным устройством³.

Первоначальный коммунизм, характерный для первобытного общества, открывает нам «родовую сущность» человека. Мы видим, каким может быть человеческое общество и каким оно в самом деле было когда-то: свободным от неравенства по отношению к средствам производства, а значит, свободным от классового деления и классового господства. Последующее развитие принесло с собой чудовищное искажение нашей подлинной человеческой сущности, самоотчуждение человека. Со временем, когда этот фундаментальный общественный порок будет устранен, наша истинная сущность сможет вновь возродиться и утвердиться.

Многие знакомы с Марксом по трудам Карла Поппера⁴. В попперовской интерпретации марксистское учение устраняет навязанное извне этическое обязательство, поскольку выводит нормы социального поведения (social legitimacy) из неизбежности определенного будущего состояния общества. Таким образом,

нравственное обоснование тех или иных действий превращается в разновидность исторического предсказания, а значит, не выдерживает критики, как и любая попытка пророчества. Однако следует признать такое понимание марксизма упрощенным. Ведь марксистское предсказание будущего основано на реконструкции прошлого, т. е. на том, что на ранних этапах истории существовало бесклассовое, свободное и гармоничное общество.

Именно таким (и только таким!) образом можно показать, что коммунистические общественные отношения составляют реальный идеал человечества. В марксизме в принципе нет места никакому должностованию, никакому *навязанному* обязательству; моральное принуждение столь же чуждо марксистскому учению, как и принуждение политическое. Различие между бытием и должностованием будет преодолено человечеством лишь тогда, когда оно перейдет из предыстории в эру подлинной истории. Впрочем, человечество уже знало это состояние на заре своего исторического развития. Кант считал, что такое преодоление категории долга, слияние понятий «я есмь» и «я должен» дано лишь ангелам; марксизм утверждает, что это доступно человеку на Земле — но только до и после периода классовой истории, которую в нравственном отношении можно рассматривать как предысторию. Истинная история начнется не раньше, чем прекратится наше отчуждение от самих себя.

В связи с этим привлекают внимание труды советских исследователей первобытного общества⁵. Очевидно, все значение понятия «первобытный коммунизм» ясно осознается в противостоянии между марксистскими и немарксистскими исследованиями. Это понятие также имеет прямое отношение к практике, поскольку многие этнические общности все еще находятся (или еще недавно находились) на различных этапах разложения первобытного коммунизма. Поэтому данная категория часто используется при анализе конкретных исторических ситуаций. Наше будущее мы видим в наших истоках, которые от нас не так уж далеки. Они все еще различимы «на горизонте», и их влияние ощутимо в социальных структурах современности или недавнего прошлого.

Но самое главное, историческая реальность первобытного общества с его первобытным коммунизмом необходима как доказательство осуществимости коммунистических общественных отношений без классов и государства. Если бы такой социальный порядок реально никогда не существовал, это вызвало бы серьезные трудности для марксистского прогноза, предусматривающего возрождение этого порядка на высшем уровне общественного развития. Можно было бы сомневаться не только в возможности коммунистических общественных отношений, но и в необходимости стремления к ним. Призыв к построению коммунизма носил бы для человечества характер отвлеченного нравственного предписания, к тому же не подкрепленного никаким видимым авторитетом. Если заявляется, что коммунизм есть освобождение человека, реализация его «родовой сущности», то такое заявление нуждается в некотором обосновании. Роль концепции первобытного коммунизма как раз и заключается в том, что она подтверждает возможность коммунизма, иными словами — возможность искупить «грехопадение» человечества. Поэтому не удивительно, что советские теоретики твердо отстаивают реальность первобытного коммунизма.

Таким образом, этот тезис вовсе не является пустой формальностью. Высказывается уверенность, что существует коренное различие между доклассовыми и классовыми обществами (как утверждают советские исследователи первобытного общества, термины «первобытное общество» и «доклассовое общество» являются синонимами) и что возникновение классов — достаточно определенное и доступное для датировки событие в истории человеческих обществ. Эта идея глубоко пронизывает мышление советских антропологов*, в том числе и тех, кто не находится целиком под влиянием марксизма. Такой подход заметно отличается

* Имеется в виду антропология в широком (западном) смысле слова. — *Примеч. перев.*

от общепринятого на Западе предположения, что неравенство вполне может быть изначально присуще человеческому обществу и что такие процессы, как политическая централизация, могли только усилить и структурировать неравенство, а не ввести его в качестве инновации. При этом имеется в виду, что не существует принципиальной грани между «дурным поведением» («pastiness») в сообществах гоминид и в мире людей. Марксизм, напротив, утверждает, что эксплуатация и агрессия — это не извечные явления, а зародились они только на определенном этапе исторического развития. Марксисты считают, что в истории действительно имело место некое «изгнание из Эдема» в виде появления неравенства по отношению к средствам производства и что именно это историческое новшество стало причиной возникновения государства, а не наоборот.

Но здесь появляется ряд трудностей, которые связаны с тем, что марксизм зародился еще до того, как на сцене возник дарвинизм. Распространение дарвинизма привело к тому, что мы не можем не представлять себе некоторой преемственности между сообществами приматов и человеческим обществом. Мы кое-что знаем о жизни приматов и хотя готовы признать, что у них нет ничего похожего на государство, но вовсе не склонны находить у них образцы равенства и коллективизма. Их отношения никак не могут быть нравственным идеалом для людей. Да, формально говоря, они свободны от собственности и социального расслоения. Но разве при скудности их ресурсов они свободны от неравенства и насилия? Немногие из нас признали бы подобное утверждение. Мы не имеем оснований предполагать, что эти пороки отсутствовали на ранних этапах развития человечества. Хотя мы не обладаем полной и достоверной информацией о жизни первых человеческих обществ, у нас нет никаких причин представлять их в идиллическом свете.

В целом проблему можно сформулировать довольно просто. В принципе существуют только две возможности. Первая состоит в том, что нормативная сущность человека (если такое понятие вообще имеет право на существование), предположительно проявившаяся в первобытном коммунизме, унаследована людьми от их человекообразных предков и является их общим достоянием. Заметим, что нечто подобное этому положению можно найти в прагматизме — едва ли не самой влиятельной философской системе из тех, что выросли на почве дарвинизма. Прагматизм утверждает, что нормативно правильное когнитивное поведение человека присуще, хотя и в упрощенной форме, всем живым организмам. Однако марксизм по ряду причин (и вовсе не в первую очередь потому, что он возник до дарвинизма) не может принять прагматический подход и выдвинуть на первый план то, что объединяет нас со всеми живыми существами.

Прагматизм, развивавшийся преимущественно в Америке, придавал основное значение таким категориям, как познание, открытие и инновация, принимая общественное устройство за нечто данное. Естественно, сторонники этой философской системы с легкостью приписывали те же самые основные категории интеллектуальной деятельности и людям, и их непосредственным (и даже более отдаленным) предкам. Действительно, присущие человеку когнитивные принципы — адаптация, метод проб и ошибок — возникли одновременно с самой жизнью и одинаково характерны для всех живых организмов.

Но было бы неверно утверждать, что все живые организмы равным образом дают нам пример коммунистических общественных отношений. Подобие же таких отношений, наблюдаемое у ряда живых существ (например, у так называемых общественных насекомых), отнюдь не может нас вдохновить. Те особенности, которые прагматизм считает характерными для всех организмов, а именно адаптация и постепенное продвижение посредством проб и ошибок, — слишком неспецифичны. Что же касается философии коммунизма, то она придает основное значение формам общественного устройства и отличается большей дифференцированностью и четкостью, так что ее не столь легко применить ко всему живому. Впрочем, если бы такая возможность и появилась, это навряд ли повысило бы притягательность коммунистического учения. Большинство из

нас готово признать общность между людьми и животными в области когнитивных принципов (особенно если последние сводятся к методу проб и ошибок), но уж никак не в моральной сфере. К тому же принятие такой гипотезы поставило бы нас перед запутанной проблемой: почему нечто, присущее всем живым существам, внезапно и таинственно исчезло из человеческой истории приблизительно на десять тысячелетий? Грехопадение человечества выглядело бы еще более необъяснимым.

Таким образом, приходится признать, что должно было произойти определенное событие первостепенного значения, наделившее человечество его особой родовой сущностью, и что это событие стало одним из элементов самого процесса возникновения человеческого рода. К сожалению, основоположники марксизма не оставили никакой теории, которая объяснила бы этот важнейший момент развития. Вероятно, они занимались в первую очередь историей, а не биологией и принимали существование человечества как нечто само собой разумеющееся, да и объективно они не могли ставить перед собой эту проблему в 1840-е годы, еще до появления дарвиновского учения. Так или иначе на том месте, где должна была бы находиться марксистская Книга Бытия, зияет пустота.

Что же делать? Попытка ответа на этот вопрос содержится в трудах советских антропологов. Нам предлагается описание того, что должно было произойти в процессе возникновения человечества, причем это описание само по себе вполне правдоподобно и должным образом учитывает достижения дарвинизма. В результате появляется возможность сохранить марксистскую теорию первобытного общества без сомнительного допущения о существовании образцового социального устройства у наших человекообразных предков. Та нормативная сущность человечества, которая проявилась на первой стадии его истории (хотя и на низком уровне развития технологии), не могла быть унаследована от биологических предшественников человека. Эти нормативные и присущие исключительно человеку особенности должны были возникнуть только в процессе «антропогенеза», т. е. появления человечества в собственном смысле слова. В раннем марксизме отсутствовала какая-либо теория образования человечества, в частности такого человечества, которое необходимо для марксистской эсхатологии. Теперь этот пробел ликвидируется.

Ситуация примерно такова, как если бы по какой-то случайности Ветхий Завет попал в средневековую Европу в усеченном виде — без Книги Бытия. Вероятно, в таком случае Ватикан назначил бы комиссию во главе с каким-нибудь уважаемым кардиналом, которая была бы обязана восполнить недостающую часть Писания. Нечто подобное по существу было проделано Институтом этнографии Академии наук СССР, который выделил группу весьма одаренных ученых, чтобы выпустить в свет серию из трех книг, посвященную первобытному коммунизму. Продолжая эту аналогию, можно с основанием предположить, что весь план был предложен самим «уважаемым кардиналом», который пожелал дать ответственное задание своим секретарям, чтобы те проявили свои таланты и получили более широкую известность. Итак, Книга Бытия должна была быть написана!

Основной автор соответствующего раздела рассматриваемой книги — Юрий Семенов — один из наиболее эрудированных историков антропологии и других общественных наук. Он весьма полно и точно осведомлен об антропологических исследованиях на Западе и к тому же обладает замечательным даром сжатого и беспристрастного изложения научных идей. Эти качества проявились, например, в его блестящей статье о дискуссии между формалистами и субстантивистами в западной экономической антропологии. Но труды Семенова выходят далеко за рамки анализа тех или иных научных направлений. Он показал себя и как самостоятельный теоретик, причем творчески мыслящий, изобретательный и оригинальный. Будучи приверженцем марксизма, он быстро воспринимает проблемы, пронизывающие теоретическую структуру этого учения, и выдвигает идеи, важные для развития этих проблем.

Так, Семенову принадлежит остроумная попытка снять известное возражение против марксистского тезиса об универсальной последовательности общественно-экономических формаций, заключающееся в том, что любое конкретное общество почти никогда (или даже вообще никогда) не проходит через все предписанные марксистским учением стадии социально-экономического развития⁶. Впрочем, западным антропологам может показаться, что Семенов и некоторые его коллеги проводят лишь умозрительные исторические реконструкции, которые, как они не без гордости отмечают, представляют для них пройденный этап⁷.

Здесь не место рассуждать об относительном значении теории и наблюдения в антропологии. Достаточно сказать, что теории могут и должны формулироваться еще до накопления исчерпывающих фактических материалов. В конечном счете ценность теории определяется тем, способна ли она вызвать новые вопросы, которые со временем приведут нас к открытию новых существенных данных. Хотя выдвинутая Семеновым концепция носит пока умозрительный характер и недостаточно подкреплена фактами, она, безусловно, заслуживает рассмотрения — благодаря и своим собственным достоинствам, и той своеобразной роли, которую она играет в общей теоретической структуре советской марксистской антропологии.

Семенов начинает с того, что отвергает теорию, согласно которой главным фактором в возникновении человечества являлась охота. Охота на крупных животных предполагает наличие кооперации, что, согласно этой теории, и объясняет характерный для первых людей коллективизм. Следует добавить, что таким же образом можно интерпретировать происхождение языка и развитие умственных способностей. Однако Семенов отбрасывает подобный подход, отмечая, что охота весьма широко распространена в животном мире, а возникновение человека есть событие уникальное. По его мнению, подлинное фундаментальное отличие ранних людей от их непосредственных предков (предлюдей) заключается в производственной деятельности. Вполне закономерно, что марксистская теория видит истоки сущности человека не в охоте, а в производстве орудий труда.

Попытка подробно показать, каким образом производство орудий порождает специфические качества человека, приводит Семенова к проблеме естественного отбора и его форм. Он приводит разграничение между индивидуальным и групповым отбором, причем уделяет особое внимание групповому отбору, объекты которого составляют не отдельные особи, а коллективы. Наиболее важный тезис Семенова состоит в следующем: производство орудий (в том числе и оружия) само по себе не является формой приспособления к окружающей среде. Адаптивное поведение состоит исключительно в применении орудий для добывания пищи. Поэтому те особи, которые были морфологически лучше приспособлены для производства орудий, вовсе не получали в силу одного этого преимуществ с точки зрения естественного отбора. Предрасположенность к производству еще не дает преимуществ в эволюции ни особям, ни коллективам; такие преимущества появляются лишь при определенных дополнительных условиях.

Семенов также подчеркивает, что хотя гоминиды и могут передавать информацию внегенетическим путем (посредством подражания), они не обладают культурой в подлинном смысле слова, поскольку у них нет механизма закрепления, «фиксирования» накопленного видового опыта. Он утверждает, что единственным внегенетическим способом межпоколенной трансмиссии были сами орудия. Таким образом, в определенном смысле материализм применим к гоминидам в большей степени, чем к человечеству. Для гоминид орудия и представляли собой культуру, в то время как в человеческом обществе при всем значении орудий, безусловно, играли свою роль нематериальная культура и семантическая трансмиссия, на базе которых возможно воспроизводство орудий.

Здесь мы имеем дело с интересной, смелой, точно сформулированной и в принципе верифицируемой материалистической и антикультуралистской антропологической теорией. Утверждается, что в процессе образования человечества не существовало культурно-символической трансмиссии, а единственным неге-

нетическим носителем информации, передаваемой от поколения к поколению, были сами конкретные орудия. Вся негенетическая трансмиссия была воплощена в орудиях; всякое подражание, не закрепленное в тех или иных орудиях, не могло быть устойчивым. Отсюда напрашивается интересный вывод: межпоколенная трансмиссия навыков посредством реально существующего материального инвентаря исторически предшествовала трансмиссии на основе эфемерной символической деятельности (т. е. культуры).

Теперь мы подходим к решающему моменту в рассуждениях Семенова: каким образом появилось на свет человеческое общество с глубоко усвоенными коммунистическими нормами? Заметим, что этот процесс порождает еще больше вопросов, поскольку Семенов не наделяет предлюдей никакими коллективистскими добродетелями, хотя бы и в зачаточной форме. Это были, по всей очевидности, «некультурные» существа, хотя и с первыми навыками орудийной деятельности. В социальном и нравственном отношении их никак нельзя считать прямыми предшественниками людей. Напротив, как мы вскоре увидим, поведение предлюдей было глубоко противоположно тем ценностям, которые и являются определяющими для человечества. Наши предки не могут служить нам примером. Напротив, они скорее воплощают собой то, чего мы всячески стремимся избежать, в том числе и худшие особенности современных форм социального устройства — эгоизм и неравенство.

Семенов вполне ясно и определенно высказывается относительно дурных «общественных нравов» предлюдей: «В коллективах предлюдей всегда существовали довольно жесткие системы доминирования». Сущность этого иерархического доминирования во многом сводилась к неравенству в распределении мяса. Только жесткая иерархия, господствовавшая в стадах предлюдей, придавала этим стадам необходимую прочность и сплоченность, считает ученый, подчеркивая, что сообщества предлюдей характеризовались неравенством и угнетением. Более того, это диктовалось объективной необходимостью. «Дурные нравы» были условием выживания. Для выживания требовалась сплоченность, а сплоченность достигалась только посредством доминирования.

Но тогда каким же образом произошла необходимая трансформация к коллективизму? Каковы бы ни были ее причины, можно сказать, что в течение палеолита человечество испытало величайшую моральную революцию. Это был своего рода Октябрь — случившийся на самой заре истории, растянувшийся на длительный период и еще не воспетый поэтами. Последующую историю человечества можно рассматривать как необъяснимую и лишь со временем преодоленную реакцию на ту далекую от нас, но основополагающую по характеру и внушающую нам глубокое сочувствие революцию.

Но все же, как это случилось? В качестве главной движущей силы этого процесса выдвигается естественный отбор. Между прочим, из этого следует, что первоначальная марксистская концепция, сформулированная «основоположниками» в 1840-е годы, объективно не могла базироваться на своей собственной Книге Бытия. Возможность рассказать о происхождении человека и общества появилась только спустя некоторое время — лишь после того, как Чарльз Дарвин решил выпустить в свет свою книгу.

Семенов придает большое значение групповому отбору, способствовавшему выживанию тех стад, где подчиненные особи обладали правом на равный доступ к мясу, и обрекавшему на вымирание те стада, в которых подчиненные особи почти не имели доступа к мясу. Необходимая связь между выживанием стада и равным (или почти равным) для всех особей доступом к мясу устанавливается следующим образом. Высокий ранг особи в стаде предлюдей определялся в первую очередь физической силой, а вовсе не способностью к производству орудий. Отсюда вытекает (и здесь Семенов делает свой важнейший вывод), что существовал лишь единственный способ обеспечить выживание и процветание индивидов, особо одаренных в сфере орудийной деятельности: в стаде должен был господствовать порядок, обеспечивающий равный доступ к мясу для

всех — как сильных, так и слабых. Такое уравнилельное распределение было единственным спасением для тех производителей орудий, кто не отличался физической силой (а таких было большинство). Очевидно, не могло существовать механизма, который бы непосредственно создавал благоприятные условия для производителей орудий. Обеспечить развитие орудийной деятельности можно было только косвенным путем — введя жесткое равенство в потреблении, которое ставило производителей орудий если и не в лучшее, то по крайней мере не в худшее положение, чем всех остальных. Таков, по мнению Семенова, и был реальный ход событий.

Приведенное выше объяснение возникновения человеческого общества на началах равенства и коллективизма можно на первый взгляд упрекнуть в биологизаторстве и, хуже того, в социальном прагматизме или чем-нибудь подобном. Расистская интерпретация исключается, поскольку, как подчеркивает Семенов, ликвидация посредством естественного отбора недостаточно эгалитарных стад не означала их поголовного вымирания. По его мнению, они могли присоединиться к другим стадам или образовывать новые. Сохраняя некоторые сообщества и уничтожая другие, естественный отбор заставлял любого сделать вывод, что если одни члены стада лишают других доступа к мясу, это несет опасность всему сообществу у каждой особи в отдельности. Объектом отбора были не отдельные индивиды и их генетические особенности, а коллективы с их этосом (укладом). Отбор давал преимущество тем группам, для которых законом было равное распределение мяса между всеми особями. Таким образом, человечество училось равенству и коллективизму на собственной шкуре, и вызывает удивление, что впоследствии эти уроки были забыты. Так или иначе естественный отбор, одновременно породивший человечество и коммунизм, действовал по отношению не к отдельным особям с их генетически наследуемыми признаками, а к социально закрепленным типам этоса. Социальная межпоколенная трансмиссия культуры могла появиться не раньше, чем возник коммуналистический этос. Эти два явления можно рассматривать как определяющие признаки раннего человечества.

По-своему забавно, что в этом пункте Семенов фактически не расходится во взглядах с Фридрихом Хайеком — апостолом западного экономического (и не только экономического) либерализма. Последний пишет: «[Чтобы построить] цивилизацию, которая составляет основу жизни современного человечества, [людям] пришлось расстаться со многими эмоциями, уместными в условиях примитивных общин... Социализм есть результат возрождения этих первобытных инстинктов...»⁸.

По сути дела Хайек полностью принимает концепцию первобытного коммунизма как характеристику прошлого, хотя, разумеется, он далеко от того, чтобы представлять это понятие образцом для современности. Его взгляд на происхождение и функции первобытного коммунизма во многом близок к семеновскому; но Хайек не желает возвращения человечества к этому состоянию и весьма удовлетворен тем, что люди давно отошли от своего раннего коммуналистического опыта. Между тем марксизм ставит перед нами цель возродить коммуналистический опыт в новых условиях и высвободить человеческую сущность, скованную многовековыми мучительными ограничениями.

Но даже если Семсенов и вправду избегает крайностей биологизма (мы увидим, что это ему действительно удастся), все же может показаться, что его концепция отводит социальному подчиненную роль по сравнению с биологическим. В ней понятие естественного отбора (первоначально не известное основоположникам марксизма) привлекается, чтобы восполнить очевидный крупный пробел в их теории. Но при этом угрозе подвергается целостность всей концепции. Марксизм имеет собственную теорию общественного развития, в основе которой вовсе не лежит естественный групповой отбор социальных единиц. Если даже теория, выдвигающая на первый план групповой отбор, и обладает некоторыми привлекательными чертами, она все же не является марксистской. Имея в виду указанное противоречие, Семенов усиленно подчеркивает качественный разрыв между пер-

воначальным становлением человечества и процессами, направляющими его последующее развитие. При этом групповому отбору придется определяющее значение только на первой стадии.

Постулирование такого разрыва снимает опасность подчинения социальных закономерностей биологическим. Однако тут возникает риск впасть в идеализм. Принципиальная грань между биологическим и социальным характеризуется Семеновым прежде всего как появление *сознания* и *воли*. Именно через их посредство осуществляется новый коллективный императив равного распределения. Но если утверждается, что только этот морально-интеллектуальный элемент создаст новую человеческую и социальную сущность помимо прежней, биологической; если говорится, что сознание и воля выделили человечество из мира природы, — разве мы не сталкиваемся здесь с определенной формой идеализма?

Семенов ясно осознает эту опасность и принимает действенные меры, чтобы избежать ее. Он утверждает, что сознание и воля не могли определять производственные отношения, а напротив, определялись ими. Система общественных отношений, с его точки зрения, всегда выступала в качестве объективного источника сознания и воли людей как социальных существ, как социальной материи. В принципе, говорит Семенов, эффективная реализация общих производственных потребностей требовала проявления новой формы отражения действительности, не имевшей аналогов в природе, которой и стало человеческое сознание, возникшее с тем, чтобы отражать нематериальное, нсошутимое, невидимое. Иначе говоря, сознание появилось в мире для того, чтобы отражать новый вид реальности — общественную реальность. Сознание необходимо не для адаптации к природе, а для восприятия социальных условий и усвоения социальных требований. Это интересная теория, кстати, имеющая параллели на Западе. Итак, «приличия», требуемые материализмом, соблюдены. Хотя сознание и воля сыграли важную роль в выделении человека из биологического мира, эти факторы носили вторичный характер. В рассуждениях Семенова можно заметить некий логический круг, угрожающий стать порочным. Это следствие особенностей принятой автором философской системы отсчета. Необходимость избежать уклона в идеализм не позволяет рассматривать сознание и волю как главные, первичные факторы в переходе от стада предлюдей к человеческому обществу. Первичная причина этого перехода отыскивается в полном соответствии с требованиями ортодоксального марксизма, в объективных производственных отношениях и потребностях. Но при этом возникает существенный вопрос: каким образом эти объективные потребности воздействуют на отдельных особей и их коллективы? Тут угрожающе поднимает голову «гидра» телеологии: получается, что нечто возникает исключительно в силу своей «объективной необходимости». Как же требования, исходящие от производственного базиса, отзываются и учитываются в общественной надстройке? С этой проблемой марксизм встречается и в истолковании позднейших этапов истории.

Однако в своей теории Семенов весьма тщательно и удачно избегает такой телеологической интерпретации. Но это ему удастся только благодаря привлечению в качестве объяснения сложного варианта естественного отбора. В целом роль идеи естественного отбора в развитии научной мысли состоит главным образом в том, что она позволяет объяснить конструкцию, не прибегая к понятию о «конструкторе» или «конструкторах». В данном случае ход рассуждения выглядит так: эволюционное преимущество получают те коллективы, в которых обеспечивается равный доступ к мясу для всех особей. Это открывает простор производителям орудий, которые были бы обречены на гибель в условиях досоциального палеолитического «старого порядка»⁹. Эгалитарные коммунистические коллективы, преуспевающие благодаря своим производителям орудий, со временем вытесняют коллективы, характеризующиеся доминированием и неравенством, где мясо безжалостно отбирается у производителей орудий, что ведет к роковым последствиям не только для злополучных новаторов производства, но и для этих коллективов в целом¹⁰.

Опыт первобытноисторической реконструкции (рис. К. Хэмфри из кн.: Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. P. X.)

Избегав телеологической опасности с помощью естественного отбора, Семenov теперь оказывается перед двойной задачей. Во-первых, ему необходимо ограничить роль естественного отбора на последующих этапах истории. Во-вторых, он должен объяснить, почему этос, присущий ранним приверженцам коллективизма и равенства и принесший им такой успех, столь ощутимо выветрился впоследствии. Если только естественный отбор мог сделать нас людьми (и одновременно коммуналистами), то почему же мы остаемся людьми без естественного отбора? А если этот фактор продолжает действовать, то разве можно утверждать, что мы перешли из мира биологического в мир социальный? И почему эгалитарно-коллективистский императив с течением времени утратил свою силу?

С зарождением производственной деятельности среди поздних предлюдей возник принципиально новый эволюционный императив, действовавший на групповом уровне. Этот императив заключался в «ликвидации доминирования». Однако именно доминирование было важнейшим, а по сути единственным механизмом, который обеспечивал внутреннюю устойчивость и внешнюю безопасность предчеловеческих стад. Только с помощью доминирования коллективы предлюдей могли выживать в борьбе за существование. Если бы зарождающиеся коллективы людей оставались сугубо биологическими сообществами, то даже ослабление доминирования, не говоря уже о его ликвидации, приводило бы к утрате этими коллективами единства, устойчивости, а значит, и жизнеспособности. В таком случае, отмечает Семенов, эти коллективы не могли бы даже приспособ-

*По палеолитическим меркам их можно было бы одновременно называть и «новыми богачами» (нуворишами), и «новыми коммуналистами».

сабливаться к окружающей среде, а уж тем более не были бы в состоянии развивать недавно возникшую производственную деятельность.

Можно сказать, что на самом раннем этапе своей истории человечество столкнулось с суровой дилеммой. Чтобы обеспечить развитие производственной (орудийной) деятельности, оно было вынуждено отвергнуть систему доминирования. Между тем та же самая система доминирования была жизненно необходима для выживания, для поддержания групповой сплоченности, без которой нельзя было обходиться в жестоком враждебном мире. Возможно, для того чтобы удержаться на уровне биологического выживания, без которого не могло начаться социальное развитие человечества на основе производственной деятельности, необходимо было до поры до времени сохранять некоторые пережитки доминирования. Кто знает, быть может, в те времена некоторые утверждали, что нельзя построить новый порядок в одном отдельно взятом стаде, что сначала нужно обратить в новую веру все стада и лишь тогда можно будет установить коллективистский строй повсюду. А может быть, были и другие, смело провозглашавшие возможность эгалитарного производства орудий в одном стаде? Увы, история об этом умалчивает (рисунок).

По реконструкции Семенова вполне можно заключить, что он вовсе не считает, что все коллективы шли одним и тем же путем. По его мнению, действительно было возможно эгалитарное производство орудий в одном стаде (во всяком случае, в некоторых стадах, а не во всех одновременно). Более того, новый порядок мог сталкиваться со старым в пределах одного и того же стада (коллектива). Соответственно представляется вероятным, что коллективы, усваивавшие новый эгалитарный этос и отказывавшиеся от доминирования в своей среде, должны были все же временно сохранять некоторые элементы доминирования — хотя бы для поддержания внутренней сплоченности в процессе этого перехода и для защиты от агрессии со стороны более «реакционных» коллективов, в которых иерархическое доминирование полностью сохраняло свою силу. Относительно эгалитарные коллективы представляли собой авангард раннего человечества. Их главная задача состояла в том, чтобы беречь и развивать свой новый эгалитарно-коллективистский уклад, которому со временем предстояло стать общечеловеческим достоянием. В то же время эти передовые коллективы не должны были слишком спешить с устранением пережитков доминирования в своей среде. Эти пережитки были обречены на окончательное исчезновение только после победы нового уклада в мировом масштабе. В течение переходного периода частичное сохранение доминирования обеспечивало защиту «прогрессивных» коллективов от «реакционных».

Семенов разворачивает перед нами картину внутреннего развития этого эгалитарного авангарда зарождающегося человечества. Эта часть его теории изложена захватывающе, с блеском и страстью, что позволяет поставить ее рядом с великими поэтическими и философскими притчами о происхождении человеческого рода. Семенов выступает здесь не только как ученый, но и как моралист, причем в его подходе явно чувствуются отзвуки идей Руссо и Дюркгейма (хотя ни тот ни другой явно не упоминаются). Сознание и воля рассматриваются как определяющие черты человечества, знаменующие собой выход за пределы природно-биологических закономерностей и появление во Вселенной новой реальности — социальной. В некотором смысле воля исторически предшествует сознанию. На первоначальной стадии своего развития, считает Семенов, общественное сознание в узком смысле слова практически проявлялось исключительно в виде общественной воли, которая в свою очередь в сущности сводилась к одной-единственной норме: любому члену ранней первобытной общины запрещалось лишать любого другого доступа к мясу. Таким образом, возникновение общественного сознания в узком смысле этого слова было не чем иным, как проявлением этого запрета. Итак, происхождение воли и сознания тесно связано с нашей потребностью делиться друг с другом. Важнейшим, основополагающим

элементом нового этоса был категорический запрет на право личной собственности.

Этот запрет носил форму табу. Запрет типа табу представлял в качестве такой нормы поведения, которая как бы была навязана обществу какой-то внешней силой, с которой нельзя было не считаться. Первые нормы поведения должны были иметь именно такой характер, поскольку они возникали как средство нейтрализации той опасности, которую представлял зоологический индивидуализм для зарождающегося общества. Здесь (особенно в первой фразе) можно ясно различить влияние Дюркгейма. Первоначально люди не осознавали своих поступков — потребность в новых отношениях сначала воспринималась только как опасность прежних отношений, как необходимость отказаться от них.

Прочем, Семенов придает дюркгеймовской идее марксистское звучание. По его версии, объективная необходимость, ощущавшаяся первыми людьми как внутренний импульс, представляет собой не что иное, как потребность в новых производственных отношениях. Именно производственные отношения, а не просто «общество» диктовали нашим предкам свою волю — на пока недоступном для них языке, но с внушающей почтительный страх силой.

В лице Семенова мы имеем дело не только с марксистским Дюркгеймом, но и с марксистским Руссо. Во всех обществах, считает Семенов, собственность выступает как отношение воли. В классовом обществе волевые отношения регулируются правом и предстают в виде правовых норм. В доклассовых обществах волевые отношения собственности регулируются моралью и предстают в виде моральных норм. В данном случае речь идет о зарождающихся волевых отношениях собственности, регулировавшихся зарождающейся коллективной волей протообщества — протоморалью. С самого своего возникновения, говорит ученый, общественная воля была качественно отлична от индивидуальных волей и не сводима к их сумме. Общественная воля возникла как воля зарождающегося социального организма, т. е. как объединенная воля всех членов протообщества.

Хотя Семенов пользуется термином «общественная воля», а не «общая воля», идейная связь между ним и Руссо очевидна; однако в его интерпретации воля порождается необходимостью определенных экономических отношений, а именно, как не раз повторяет Семенов, первостепенным императивом равного и беспрепятственного доступа к мясу. Без этого, по его мнению, общество производителей орудий не могло бы нормально развиваться. Этот элемент семеновской теории придает ей материалистический характер, поскольку роль важнейшего фактора отводится экономической необходимости. В то же время введение естественного отбора предохраняет теорию от телеологизма. Наконец, утверждая, что общественная необходимость опосредуется волей в форме осознанного запрета, Семенов проводит грань между природой и обществом и избегает биологизма. Возникновение человечества связывается им не с запретом на инцест, а с запретом на зоологический индивидуализм. Понятие воли позволяет избежать биологизма; биология предохраняет от телеологии; выдвижение на первый план биологической необходимости устраняет идеалистическую опасность, таящуюся в таких понятиях, как воля и сознание. Таким образом, перед нами прочная, завершенная и компактная конструкция.

Маркс рассматривал свое учение как преодоление философии — отныне человеку предстояло осуществлять себя на практике, а не в теоретических фантазиях в духе немецких мыслителей. Такие понятия, как «родовая сущность» человека, обнаруживаемая на заре общественного развития и ждущая своего вторичного высвобождения, должны были избавить нас от необходимости обосновывать свою мораль и общественное устройство старым и весьма сомнительным способом — ссылаясь на некий внешний авторитет. Философия расценивалась Марксом всего лишь как самый поздний по времени и, возможно, самый бессмысленный вариант такого способа оправдания человека и общества. Преодолев социальное отчуждение, человек может и должен стать единственным авторитетом для самого себя. Но возникает вопрос: *какой человек здесь имеется в виду?* После Дарвина

мы уже не можем безоговорочно принимать концепцию родовой (видовой) сущности человека, похожую на идею неизменности видов в новом обличье. Как же объяснить формирование того человеческого типа, который нам представляется идеальным? Как возродить столь необходимое понятие родовой человеческой сущности? Семенов предлагает нам свой ответ на этот важнейший вопрос, который по существу не ставился его предшественниками.

Не лишено иронии, что в трудах этого эрудированного, творчески, ясно и последовательно мыслящего советского ученого обнаруживаются отзвуки тех самых идей, на которые опиралась западная политическая философия и социология в своих попытках разобраться в проблеме происхождения социальных структур и обязательств. До сих пор марксисты странным образом уходили от действительно возникающих перед ними вопросов, как зародился первобытный коммунизм, что поддерживало его существование и чем объясняется его нормативное значение. Семенов пытается ответить на эти вопросы, и мы видим, что при этом он, хоть и неявно, обращается к некоторым весьма известным концепциям буржуазной философии.

Итак, человек эпохи первобытного коммунизма не есть нечто коренящееся в самом себе. Он не представляет собой некую основополагающую моральную и социально-онтологическую данность, хотя именно к такому выводу могла бы привести концепция родовой сущности человека. Становление человеческого общества — это исторический процесс, обусловленный определенными факторами, уже знакомыми нам по тем теориям происхождения общества, которые выдвигались буржуазными мыслителями. Тут и естественный отбор, и общая воля, называемая каждому индивиду и не сводимая к сумме индивидуальных волей, и коллективные представления, посредством которых распространяются и обретают силу социальные императивы... Словом, вновь напоминают о себе Дарвин, Руссо и Дюркгейм¹¹.

Антропологи давно знают, что исторические теории нередко аллегорически отображают проблемы современности и предлагают пути решения этих проблем. Семеновская теория происхождения человечества (как и другие выдвинутые Семеновым концепции, особенно его творческий пересмотр теории общественных формаций) представляет собой на редкость точное отражение той модели осознания социально-исторической реальности, которая сейчас должна быть присуща советскому человеку — лояльному к системе, но мыслящему. Человечество находится на пороге новой эры, в которой будет достигнуто изобилие благодаря качественному скачку в развитии средств производства. Однако полное использование новых экономических возможностей требует перехода к новой общественной организации, характеризующейся гораздо большей степенью социального равенства. Только при этом условии смогут полностью расцвести таланты тех, кто создаст новые средства производства, — ведь эти люди часто не имеют шансов на успех в обществе, пронизанном конкуренцией, эгоизмом и доминированием. Новый этос противоречит существующим нормам. Поначалу он воспринимается как нечто непонятное и навязываемое извне; более того, новые принципы мешают отстаиванию индивидуально-групповых интересов в ожесточенных общественных конфликтах. Однако с течением времени те общества, в которых предоставляются благоприятные условия творчески одаренным людям, получают решающее преимущество над обществами, где люди вынуждены тратить свою энергию на внутренние и внешние столкновения, где нормой является не равноправное сотрудничество, а основанное на конкуренции доминирование. Только после этого новые эгалитарные общества смогут окончательно распрощаться с пережитками доминирования в своей среде. В настоящее время такой прогноз общественного развития выглядит гораздо более правдоподобным, чем некогда модное среди марксистов апокалиптическое пророчество, обрекающее капитализм на саморазрушительный взрыв в результате обострения внутренних противоречий.

Весьма важно, что эта концепция объясняет и оправдывает любые временные недостатки формирующегося общественного строя. А то, что в этой новой

социальной системе сохраняются элементы доминирования — этому не стоит удивляться. В прошлом доминирование всегда было важнейшим необходимым средством поддержания социальной сплоченности, которая только и могла обеспечить устойчивое существование любой общественной группы. Вплоть до окончательного установления нового интегрирующего механизма, основанного на всеобщем усвоении социальных ценностей, трудно полностью устранить остатки старого «связующего материала», более того, эти остатки, за неимением лучшего, выполняют важную функцию в обществе.

Новая система встречает со стороны людей недовольство, а то и полное непонимание — это тоже вполне естественно. Семенов ясно утверждает, что на первых порах люди формирующегося первобытного общества воспринимают свой моральный уклад в первую очередь как необходимость преодоления прежде присущих им внутренних импульсов. Новая мораль первоначально является в непривлекательной форме запрета.

Пока прогрессивные носители нового этоса вынуждены бороться с остающимися приверженцами старого, им, увы, приходится частично сохранять свои прежние «нехорошие» навыки, иначе они были бы обречены на поражения в навязанных им столкновениях.

Мне не известно, намеревался ли Семенов специально провести параллели между положением человека в эпоху палеолитического коммунизма и в современном социалистическом обществе. Так или иначе, эти параллели очевидны для любого внимательного читателя. Можно добавить, что наиболее уязвимые места в семеновской концепции отражают некоторые объективные противоречия, присущие обществу, которое живет «под знаменем марксизма».

Как уже не раз отмечалось, советское общество глубоко проникнуто духом морализаторства. В этом смысле оно больше похоже не на современный Запад, а на викторианскую Англию. Разумеется, тому есть свои социологические причины. Однако в Советском Союзе господствует идеология материализма, и не всегда понятно, как при материалистическом взгляде на сущность человека можно провозглашать необходимость морали. Как мы видели, Семенов по-своему разрешает это противоречие. Он утверждает, что коммуналистический уклад, присущий формирующемуся первобытному обществу и обеспечивавший ему конечное преимущество над неэгалитарными предчеловеческими коллективами, реализуется через внутреннее побуждение индивидов, через их зарождающееся социальное самосознание. Новый этос вступает в конфликт со старыми импульсами, хотя до поры до времени и не устраняет их окончательно. Но этот внутренний «категорический императив» по сути есть не более чем отражение объективно необходимых производственных отношений, за которыми сохраняется роль первостепенного фактора. Таким образом, в полном соответствии с материализмом источником этики является конкретная земная производственная необходимость, а не некий заоблачный авторитет.

Критики марксизма считают это учение утопией — как политической, так и моральной. Разумеется, эти два аспекта тесно взаимосвязаны. Когда истинная родовая сущность человека сможет свободно проявиться, не будучи искажена влиянием собственности с ее атрибутами — классовым расслоением и политическим принуждением, тогда и только тогда государство и все остальные формы господства человека над человеком станут излишними и исчезнут. То же относится и к морали, если считать ее системой норм, навязываемых человеку извне. В свое время Кант считал, что только ангелы, а не люди могут быть свободны от противоположности между бытием и должествованием. Для Маркса же эта противоположность, подобно политическому угнетению, ограничена эпохой предыстории. С наступлением подлинной истории долг и действие сольются воедино¹². И тут мы подходим к крайне важному уязвимому месту в марксистском учении. Обратить внимание на это место помогает проделанный Семеновым

великолепный анализ проблемы возникновения первобытного общества, а значит, и «родовой сущности» человека.

Вообще говоря, Маркс был страстным противником любых идей о неизменной сущности. Марксизм энергично разоблачает тенденцию абсолютизации данного социального порядка, которая проявляется в любом обществе и фактически служит основой самых разных теоретических построений. Подчеркивается, что эти построения отражают интересы господствующих в данном обществе классов и не имеют никакого права претендовать на объективность. Что ж, социология уже давно успешно пользуется этим марксистским подходом. Но оказывается, что марксизм, отвергающий всякие «абсолютные сущности», в то же время признает «родовую сущность» человека, и эта подлинная, всеобщая и по природе своей обязывающая или скорее освобождающая и насыщающая сущность составляет важнейший элемент марксистского учения! Откуда же она взялась? Мы только можем сказать, что она изначально проявилась при первобытном коммунизме, подверглась отчуждению в классовом обществе и должна возникнуть с наступлением коммунистической эпохи.

Маркс и Энгельс не обращали особого внимания на эту теоретическую тонкость. Во всяком случае, первоначально формулируя основы своего учения, они не заинтересовались философскими проблемами, возникшими при наделении человечества родовой сущностью. Очевидно, их опьянило открытие преходящего характера исторически складывающихся систем ценностей — эта идея присутствовала и в немецком романтизме. Их занимало разоблачение «немецкой идеологии» и анализ того, что за ней стояло.

Итак, «основоположники» не испытывали никакого беспокойства из-за того, что в их теории идея исторической изменчивости и разнообразия человеческих обществ сочеталась с понятием о неизменной абсолютной сущности человека. Причина такой беззаботности заключалась в том, что Маркс и Энгельс сформулировали принципы своего учения еще до Дарвина. Дарвинизм со всей очевидностью утверждает невозможность неприкосновенной родовой сущности человека. Поскольку виды изменчивы, ни один из них не может иметь неизменной сущности. С философской точки зрения дарвинизм представляет собой биологический номинализм. Что бы ни говорилось о сущностях вообще, дарвинизм исключает всякое понятие о сущности биологических видов, утверждая их принципиальную изменчивость. Однако идея родовой сущности человека, проявившейся в первобытном коммунизме, представляется необходимым элементом марксистской эсхатологии. Концепция первобытного общества, в котором родовая человеческая сущность могла выразить себя, заботливо поддерживается советскими антропологами.

Марксизм весьма гордится тем, что рассматривает человека как совокупность присущих ему общественных отношений, а не как проявление некоей абстрактной сущности, задаваемой той или иной социальной идеологией. Но разоблачая все и всяческие предписания, сам марксизм постулирует родовую сущность человека и приписывает этому понятию нормативное значение. Это понятие — основной источник морального содержания и авторитета марксизма. Вместе с тем марксистское учение стремится дать последовательно материалистическую картину мира, отвергая всякий дуализм и любые ссылки на иллюзорные потусторонние авторитеты, которые разоблачаются как отражение вполне земных классовых интересов. Нельзя не заметить глубокого, возможно, непреодолимого противоречия между этим материализмом (натурализмом) и понятием о сущности человека, которая проявляется в первобытном обществе и рассматривается как нормативный критерий.

*Номинализм — средневековая философия, признающая общие понятия лишь названиями единичных вещей.

Это противоречие, которое могло оставаться в тени в период формирования марксизма (1840-е годы), стало очевидным после появления дарвинского эволюционизма, который отвергает идею неизменности видов и провозглашает их всеобщую изменчивость. Вообще говоря, взаимоотношения между дарвинизмом и марксизмом неоднозначны. С одной стороны, дарвинизм в определенном смысле дополнил марксизм, обеспечив новую, не метафизическую, а естественнонаучную основу для марксистского учения о развитии. По мнению Лешека Колаковского, историзм Гегеля сыграл важную роль в формировании марксизма, обосновав эволюционный взгляд на историю¹³. Если до Дарвина марксистская идея развития опиралась только на гегелевскую метафизику, то теперь она могла найти опору в биологии, что, конечно, было предпочтительно для материалистов. Но вместе с тем дарвиновское учение оказалось для марксизма «даром данайцев», поскольку оно подрывало понятие сущности человека. Не удивительно, что отношение Маркса к Дарвину было несколько противоречивым, тем более что дарвинизм по-своему оправдывал рыночную конкуренцию и разделение труда¹⁴. Все это делало Дарвина ненадежным союзником даже при самом одобрительном отношении к дарвиновскому натурализму.

Если мы под влиянием дарвинизма твердо признаем, что каждый вид подвержен изменениям и не может иметь никакой определенной сущности, нам придется столкнуться с вопросом: каким образом человечество обретает ту или иную «сущность», тот или иной основополагающий комплекс качеств? Важное достоинство рассматриваемой работы Семенова состоит в том, что он не только не уклоняется от этой проблемы, но ставит и решает ее четко и энергично. Истинная природа человека, наша «родовая сущность», уже не может рассматриваться как нечто само собой разумеющееся или заданное извне. После Дарвина многие пытались отыскать новую, биологическую сущность человека. Ее находили то в агрессии, то в территориальном императиве, то в запрете инцеста, то в сохранении генофонда, то в смене адаптивных стратегий. Как видно, выбор гипотез широк, и любое предположение относительно истинной сущности человека теперь нуждается в весомых аргументах и доказательствах.

Теория Семенова ясна и логична. Справедлива ли она — это другой вопрос. В свое время критики идеи «общественного договора» иронически спрашивали: что если какой-нибудь археолог обнаружит свиток с подлинным текстом «договора» и окажется, что какие-то положения этого документа несовместимы с нашим нынешним политическим устройством? Следует ли нам на этом основании немедленно отказаться от повиновения властям?

Выдвинув свою теорию, Семенов объективно сталкивается с подобным же вопросом. По его мнению, сущность человека, проявившаяся в первобытном коммунизме, сохраняет свое нормативное значение. Но ирония ситуации в том, что как раз благодаря предпринятому Семеновым блестящему и глубокому исследованию само понятие человеческой сущности стало элементом научной гипотезы. Эта гипотеза отвечает всем требованиям науки, но все же ее судьба неизбежно зависит от новых данных археологии и этнографии. Я думаю, что и сам Семенов не стал бы оспаривать умозрительный в лучшем смысле слова характер своей концепции. Но что произойдет, если его остроумная теория будет опровергнута новыми данными? Если будет показано, что возникновением человека с присущей ему орудийной деятельностью шло совсем иным путем, не требуя коллективизма и равенства, выраженных в осознанном императиве равного распределения мяса? Вдруг факты подтвердят, что иерархия и доминирование, столь характерные для предчеловеческих стад, никогда и не прерывались, что никакого промежуточного периода первобытного коммунизма на самом деле не было? Что тогда? Может быть, такие аргументы археологии и этнографии побудят нас немедленно отказаться от социалистического общественного строя, который уже не будет иметь оправдания в теории происхождения человека?

- ¹ *Lubasz H.* The Aristotelian Dimension in Marx // The Times Higher Education Supplement 1.4.1977;
- Scott M.* Essentialism in the Thought of Karl Marx. La Salle; Illinois, 1985.
- ² *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
- ³ *Lukes S.* Marxism and Morality. Oxford, 1985.
- ⁴ *Popper K.* The Open Society and its Enemies. L., 1945; The Poverty of Historicism. L., 1957.
- ⁵ Первобытное общество. М., 1975; Становление классов и государства. М., 1976; Первобытная периферия классовых обществ. М., 1978; Этнос о доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- ⁶ Soviet and Western Anthropology / Gellner E. L., 1980.
- ⁷ *Plotkin V., Howe J. E.* The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography // Dialectical Anthropology 1985. P. 259.
- ⁸ *Hayek F.* The Three Sources of Human Values. L., 1978.
- ⁹ Прежние работы Семенова критиковались в советской литературе за «скрытый телеологизм». См.: *Токарев С. А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. Особ. С. 269. Речь шла о книге: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966.
- ¹⁰ *Lockwood D.* The Weakest Link in the Chain? Some Comments on the Marxist Theory of Action // The Sociology of Work. N. Y., 1981. V. 1.
- ¹¹ Soviet and Western Anthropology.
- ¹² *Lukes S.* Marxism and Morality. Oxford, 1985.
- ¹³ *Kolakowski L.* Main Currents of Marxism. V. II. The Golden Age. L., 1978.
- ¹⁴ *McLellan D.* Karl Marx. His Life and Thought. L., 1973. P. 423.

The Marxist Book of Genesis

Having emerged before Darwinism, the original Marxist theory could have no account of the rise of human society. Soviet anthropology has tried to fill that important theoretical gap putting forward the concept of «*pervobytnoe obshchestvo*» (primordial community), brilliantly developed by Yuri Semenov. The present article provides a comprehensive analysis of Semenov's theory with its philosophical and sociological implications.

E. Gellner